
Александр КЛИМОВ-ЮЖИН

НА ОКАЗАНИЕ ИТАЛИИ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ

Растрелли, Канова, Бернини,
Их имена звучат
Как произведения искусства,
Потому что они и есть
Воплощение искусства —
Они итальянцы.
Это у них: Борджиа, Медичи,
Римские папы:
Сиксты, Урбаны Барберини —
Не сосчитать всех пчел.
Эти их — наши Фьораванти,
Кваренги, Росси:
Кремль, триумфальная арка,
Сенат и Синод.
Это их мастера кватроченто:
Руджери, Амати, Гварнери,
Кипарисовый Страдивари
С родниковой кодой в ушах.
Это их законодатели моды,
Иконы стиля:
Армани, Версаче, Габбана.
От туалетной воды,
От галстуков от Пазолини
До колумбийского галстука —
Это все тоже они.
Это их доны, Капоне, коморры
И «Коза ностра»...
Это о них Серджо Леоне, Скорсезе
(Роберт Де Ниро из них).
Это у них:
«Смейся, паяц, над разбитой любовью»,
Леонкавалло, Россини и Верди:
«Сердце красавицы склонно к измене» —
Теноры их;
Франко Корелли, Карузо, Доминго,
Их Паваротти (на Карабаса похожий),
Их Робертино Лоретти —
Сорренто, вернись!

Александр Николаевич Климов родился в городе Южа в 1959 году. Автор четырех поэтических сборников. Один из основателей газеты «Театральный курьер». Лауреат премии «Нового мира» за 2008 год. Живет в Москве.

Это они додумались
 До тальятелле и болоньезе.
 С кончиков пальцев вдыхаю
 Пармской вкус ветчины.
 Эта их кухня, слюни глотать
 Заставляющая аристократов,
 А равиоли, ризотто,
 Как рокот моря звучат.
 Это их Перголези, Скарлатти, Вивальди —
 Струнные жилы волов.
 Наконец, Рафаэль, Микеланджело, Леонардо —
 Люди из Возрождения,
 Взгляд из средних веков.
 Это за них я готов умереть в Венеции...
 Не сосчитать, в какой раз
 Лукино Висконти смотреть.
 Это они потомки
 Квинта Горация Флакка,
 Вергилия (проводника Данте
 В пугающий ад).
 Это они — колыбель европейской истории,
 Нация лучших людей.
 И не смей говорить — макаронникам
 Отослали все маски,
 А нам по губам...
 Не смей!

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Посвящение Верди

1

Все реже всполохи огней,
 Рабы на берегах Евфрата,
 Впадая в ночь, под звон цепей
 Поют вполуха воровато
 О бедной родине своей
 И вспоминают о Синае,
 О гроздьях виноградных дней,
 Об оскверненном ими рае.
 Зароки верности дают
 Развалинам Иерусалима,
 И тени прошлого встают,
 Как наяву, пред взором зримо.
 — Прильни к гортани, мой язык!
 — Забудь меня, моя десница!
 Как звон предательских вериг,
 Сверкает полночь в их глазницах.

2

А я при реках Вавилона
Сидел и плакал о своей
Далёкой родине студеной,
И было мне ещё горчей.
Закоченелые избушки,
Мох, бесконечные леса,
Придавленные небеса
Да сказы древние старушек.
Все, что теснится комом в горле,
О чём и в песне не споешь,
А если и споешь, о том ли?
Но никогда не назовёшь
В чужбине раем, и не надо...
Близилось из небытия,
И возникала где-то рядом
Земля опальная моя.

* * *

Ехали цыгане в электричке
Разномастной шумною гурьбой,
Смуглые, как тени в косметичке,
Без конца талдыча меж собой.
Денежку просили цыганята,
Предлагали хлам за полцены,
Дергали за руку нагловатю,
Сопли вытирали о штаны.
Там, где сели, там у них и табор,
Там, где табор, там у них постой,
Мамки их, укутанные в капор,
Явно не блистали чистотой.
Что-то ела дочка в юбке мятой,
Свой живот растущий очертя,
Груды опростав из-под халата,
Мать кормила сонное дитя.
И на все взирая безразлично,
Их мужья в проходе на тюках,
В позах восседая артистично,
Ковырялись в золотых зубах.
Ехали с цыганами мы рядом
Вдаль куда-то, как немой с глухим.
Наши снисходительные взгляды
Вкось предназначались нам самим.
Наши снисходительные взгляды
Праздным им как соплю о штаны:

Это мы при виде их зажаты,
Суетливы, а они вольны.
Ехали цыгане в электричке —
Ромалы, кале и явалэ,
Шумные, как стая в перекличке,
Словно представленья в кабаре.
Вне приличий, нормы и морали,
Даже вне истории самой
Плакали, ругались, хохотали,
К звездам, в поле ехали домой.

РАСКРАСКИ

Плющились упругие щетинки
Кисточки, и проявлялся цвет;
В детстве я раскрашивал картинки,
Тайну постигал их и секрет.

Знаете? Такие вот раскраски,
Где не нужны краски, лишь вода —
Улыбнется радуга, как в сказке,
Проведешь по ней туда-сюда.

Это было необыкновенно,
Это фейерверк был и восторг,
Словно Буратино из полена,
Словно в сне подводном — осьминог.

Так стремился скоро я раскрасить
До конца весь этот белый свет,
Что стакан расплескивал в экстазе...
И совсем неважен был сюжет.

Он поэту, в общем-то, не нужен,
Только праздник жизни потускнел,
Был альбом мной детства обнаружен
Под тахтой, каким-то чудом цел.

Рвань, страниц истрепанная груда,
Пропадают краски без следа
Апельсина, вишни, изумруда,
Но на свете чудо есть вода.

Выпьешь обесцвеченной — картинки
Снова обретают прежний цвет,
И блондинки навсегда блондинки,
Только если это не бювет.

Женщины становятся моложе,
И в ребро подталкивает бес,
Пробегают холодок по коже,
Возникает к жизни интерес.

Море Черным станет, небо — синим,
Змейка речки — ярко-голубой,
А несчастный — хоть на миг счастливым,
И багряным — солнце за спиной.

* * *

Чем мучиться, уж лучше в кому впасть,
С ликером расплескать остатки воли.
Бисквитов поглощающая страсть
И сахар не предполагают боли.

Он нужен склеротическим мозгам,
Они в Навруз хотят ракат-лукума,
Халвы на блюде в пост, глядишь, а там
Кулич пасхальный волокут из ГУМа.

Они кричат: «Нам сахара скорей!» —
В ущерб сосудам, печени и зрению.
Они умны и потому главней,
И предают конечности забвенью.

О, скоро я не буду ног таскать,
Ослепну по причине диабета
И буду в очертаньях вспоминать,
Как выглядит Татьяна иль галета.

Чем мучиться, не лучше ль в кому впасть?
Бескрайнюю, как белая страница;
Эклеров и безе наестся всласть
И хереса до икоты напитокся.

Что предпочесть нам — сахар или соль?
Две антитезы, вкуса два, и коли
От до-диз разбежкой к соль-бемоль,
От сахара уж лучше, чем от соли.